

ВСЕГДА, КАК ВЫХОД В ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Приятно, когда собственный кинопрогноз подтверждается... Пять лет назад в Париже я включила телевизор. Показывали новую телепостановку «Дамы с побережья». Центральную женскую роль играла никому не известная молодая актриса. Чересчур высокая, несколько угловатая. Ее внешность по обычным стандартам нельзя было назвать красивой — неправильные черты лица, большой рот, крупные скулы. Однако было в ней удивительное очарование — глаз не оторвать. И в игре ее была удивительная сила.

На лестничной площадке было слышно, как за стеной кто-то перебирает клавиши. Знакомая грустная мелодия. Звоню в дверь: звуки тотчас обрываются. На пороге Фанни. Вводит в просторную комнату. В углу — пианино с откинутой крышкой, с нотным альбомом, открытым на «Фантазии» Моцарта.

— В детстве я начинала серьезно учиться, перехватив мой взгляд, объясняет она. — Но требовательные учителя меня забраковали: «Таланта нет, виртуоз не выйдет». И родители сочли благоразумным не швырять денег на ветер. Прошло много времени, и вдруг мне захотелось снова сесть за пианино. Жила я тогда уже самостоятельно и очень бедно. Но все-таки купила старенький инструмент. И стала заниматься. С тех пор играю обязательно по два часа в день. Если нет времени днем — ночью, тихоночь. Музыка позволяет погрузиться в нечто большее, высшее, чем моя собственная жизнь, в которой все так зыбко. Это мое убежище от жестокости некоторых людей, моя терапия.

— В «Дамах с побережья», телефильме, который открыл вас широкой публике, тоже много музыки, и она занимает большое место в жизни героини. Этим, наверное, героиня была вам очень близка?

— Этим и многим другим. Она даже звалась, как и я, Фанни — роковое совпадение! Как и я, происходила

из буржуазной семьи, где дети растут «без проблем», как и я, окунувшись потом в настоящий жизненный круговорот «с проблемами», где формируется и закаляется человек, как и я, нашла себя в искусстве, в творчестве.

— С той существенной разницей, что вымышленная Фанни жила в начале века и ее путь в искусство пролегал через войну — первую мировую войну.

— Да, мне повезло — я родилась в иное, мирное время. Что же касается буржуазных нравов, то и они с тех пор не так уж изменились. Когда я заявила родителям, что бросаю университет, так как мое призвание — театр, они пришли в ужас. Но я все же поступила на годичные драматические курсы. Вышла оттуда, разумеется, с наилегчайшим багажом: кроме отработки дикции и постановки дыхания, с нами почти ничем не занимались. Но... смелось «бросилась в воду»: стала играть маленькие роли в пьесах больших авторов, Жироуду, Клоделя... И была на седьмом небе от счастья: работаю в театре, дышу его воздухом.

— И вдруг...

— И вдруг мне звонит Нина Компанеэ, очень интересный и любимый мной кинорежиссер: «Мы не знакомы. Я никогда не видела вас на сцене. Но мне сказали, что по типуажу вы очень подходите для главной роли в моем будущем телефильме «Дамы с побережья». Давайте вместе пообедать». Когда

Прошло немногим больше года, и на французские экраны вышел фильм Франсуа Трюффо «Соседка». В главной роли — она. Вслед за этим лента Алена Рене «Жизнь — это роман» — тоже с ней. Эти фильмы принесли ей известность и у нас в стране. А потом еще раз Трюффо — «Веселенькое воскресенье», эта картина демонстрируется сейчас на советских экранах, и еще раз Рене — «Любовь до смерти»... Фанни Ардан стремительно «росла», легко нагоняя в популярности таких киноактрис, как Изабель Аджани, Натали Бэй, Изабель Юппер.

обед подошел к концу, роль была моей. Почему-то она в меня поверила вот так, с ходу — без прослушиваний, без проб.

— А вы сами верили тогда в себя?

— Смутно что-то предчувствовала, угадывала какие-то «спящие возможности» — иначе бы не пошла на сцену. Но в то же время ни в чем не была уверена... А вы думаете, я уверена сейчас? Каждый новый фильм — дебют. Что было сделано раньше, не существует, все под вопросом. Известные режиссеры, у которых я снималась, — Франсуа Трюффо и Ален Рене, — относились к своей работе точно так же: всякий раз начинали с нуля.

— Рене и Трюффо... Они такие разные. И тем не менее оба нашли в вас «выразительность своих настроений».

— В том-то и состоит различие между кинорежиссером и актером, что первый приносит на съемочную площадку свой собственный мир, а второму надлежит войти в него. Он входит и начинает «оглядываться» — искать общее с миром своим. Иногда находит сразу. Иногда поиск оказывается сложнее: актер постепенно открывает в себе то, о чем не подозревал, ту часть себя, которая раньше не была «использована». Чем умнее «руководящий» и чем «податливее» руководимый, тем больше открытий...

— В одном из интервью

вы говорили, что Франсуа Трюффо умел до такой степени незаметно подсказать актеру какую-то важную мысль, что тому начинало казаться, будто мысль найдена им самим...

— Верно, но учтите, что при этом он не «выправлял» актеров, не подавлял их волю. Его излюбленная фраза была: «Сыграй, как тебе хочется, потом посмотрим». Он всегда ожидал от актера счастливой неожиданности, верил в него. Актер это чувствовал и... расцветал. С Трюффо никакой «воды» не было, не было нужды в дискуссиях. Их заменяли «фразы-ключики». Франсуа находил их для каждого персонажа в самом тексте диалогов. И в нужный момент просто повторял, поминал. Был подобран такой ключик и к моему персонажу в «Соседке».

— Это ваша любимая роль?

— Самая любимая, самая важная, но не самая лучшая. Быть может, именно из-за того, что слишком уж походило мое тогдашнее настроение, мои переживания на то, что приходилось играть. Все смешалось, и я порой переставала ощущать границу между экраном и жизнью.

— Дистанция необходима — иначе нет художественного обобщения. И все-таки, наверное, самая высокая оценка исполнения, это когда зрители восклицают: «Прямо как в жизни!»

— Конечно. Но ее никогда не заслужит добросовестный копировщик. Сложная, непрямойная связь, которую каждый из создателей переживает по-своему... Жизнь устроена так, что наши чувства, мысли разбросаны, и мы только и делаем, что их «собираем», к каким-то важным выводам идем порой годами, подолгу не решаясь заговорить с кем-то о том, что нас преследует, мучает. А в кино все происходит быстро, за два часа! Эта чрезвычайная «плотность» и ускоренность сыгранной перед камерой человеческой судьбы не перестает меня зачаровывать и волновать.

— Роль получена. Как вы к ней «подступаетесь»?

— Попытки «выстроить» ее заранее, наедине со сценарием, терпели неизменный провал; на съемочной площадке все происходило потом совершенно иначе, чем я предполагала. Поэтому я теперь готовлюсь к первому дню съемки как к выходу в

открытое море на борту парусника. То есть предполагаю самое неожиданное. Я цепенею, превращаюсь в дуряшку.

— Но ведь со страхом можно бороться, заглушать его. Жак Брель перед выходом на сцену чистил до зеркального блеска концертные ботинки. Эдит Пиаф вязала.

— У меня тоже есть свой испытанный способ: отправляюсь на съемку верхом на мотоцикле. Езда на нем — тяжелое испытание для моих нервов. С дрожью в сердце кружусь по улицам, чувствуя себя незащищенной мишенью для всего транспорта. Помогает: страх растративается на борьбу с подстерегающими на каждом перекрестке опасностями.

— А если бы мотоциклетной гонки потребовал сценарий фильма?

— О, тут бы я наверняка бесстрашно мчалась с какой угодно скоростью. Съемка — это момент особого накала сил и чувств, я становлюсь другим человеком, способным на то, что немислимо для меня в обычной жизненной обстановке... Играв в фильме Пьера Гленна «Ярые», я должна была залезть по раскачивающейся веревочной лестнице на большую высоту. И ловко залезла. И все сделала, как требовалось, не испытав ни малейшего страха. Но едва режиссер крикнул: «Стоп» и затих мотор камеры, как у меня началось дикое головокружение.

— Два с лишним года назад в газетах появились сообщения «молнии»: «В связи с болезнью актрисы Изабель Аджани, исполняющей главную роль в спектакле по пьесе Стриндберга «Фрэнк Юлия», ее заменит Фанни Ардан. Спектакль возобновится в ближайшее время...» Наверное, непростое решение — вернуться в театр таким вот спешным, безотлагательным образом?

— За несколько месяцев до этого у меня родилась дочка. Я вся была в пеленках. И вдруг в тиши уютных и нежных забот резкий звонок телефона — приглашение на театральную сцену. И в какой роли — Юлия! В театральных училищах у нас студентки о ней мечтают так же, как студенты о Гамлете. Мозг судорожно перебирал варианты: согласиться — безумие, на репетиции даются считанные дни, ничего не успею, опозорюсь, да и домашние дела все пойдут кувырком. Отказаться — поставить крест на мечте; такое предложение получаешь раз в жизни. А меж тем мой собственный голос, вырвавшись из повиновения, уже спокойно отвечал: «Благодарю, когда приходите?»

— Большинство частных парижских театров не имеет репертуара: бессменно, весь сезон идет один спектакль в одном-единственном составе. Главный исполнитель «выходит из строя» — спектакль отменяется, театр прогорает. Именно такую ситуацию застали вы в театре «Эдуард-VII». И на вас возлагалась миссия спасительницы.

— Миссия почти невозможная, как я осознала задним числом. Во-первых, потому, что пьеса ставилась специально «на Аджани» — популярнейшую кинозвезду, чей излюбленный жанр — психодрама. Она и играла в Юлии прежде всего истерию, женские комплексы, некоммуникабельность. А мне в силу моего характера было необходимо сыграть другое: трагедию аристократки, которую социальное положение наделило властью, деньгами, но отобрало у нее способность любить... Естественно, такой подход требовал перестройки. Если бы я оказалась хоть немножечко «слабее», это расценили бы как провал.

— Но вместо провала был настоящий триумф!

— Жаль только, что длилось это недолго: сезон близился к концу. Я покинула театр «Эдуард-VII», как покидают стол в разгар восточного обеда, не успев распробовать все блюда. Но я потом еще обязательно распробую: вернусь на сцену. Теперь мне совершенно ясно, что только там, работая изо дня в день, рядом с хорошими театральными актерами, можно по-настоящему овладеть мастерством. Только там у меня есть шанс ликвидировать пробелы и недостатки, а их так много!

Но я не отчаиваюсь, не жалею об уже сделанном, просто переставляю планочку: в следующий раз постараюсь учесть и прыгнуть выше.

— Какая «планочка» стоит сейчас, каков намеченный рубеж?

— Последний фильм, который успел сделать Франсуа Трюффо, называется «Веселенькое воскресенье». Это детектив, но решен он в полудокументальном, полупародийном тоне, с множеством заговорческих подмигиваний зрителю. Франсуа в совершенстве владел этим «промежуточным» жанром, для которого у него имелись все необходимые данные: чувство меры, тонкий юмор, безупречный вкус, скупость внешних выразительных средств. И от актеров, в том числе от меня, он требовал сдержанности и вкуса, повторял мне: «Легче, условнее, не жми на слова, делай рисунок не с себя, а с кого-то другого». Я тогда думала: «Комедийное амплуа не по мне, слишком это трудно — играть характеры, не имеющие с тобой ничего общего». А вот сейчас все изменилось. Я сознательно ищу такие трудности, ищу... комедию. И, похоже, уже нашла.

Елена КАРАСЕВА.

ПАРИЖ — МОСКВА.

● Фанни Ардан и Франсуа Трюффо на съемках фильма «Соседка».